

спасёт «красота?»). Частый приём – завершение публикации стихотворением, которое ассоциативно связано с её темой (например, «Балконы большого города» заканчиваются стихотворением М. Цветаевой «Я бы хотела жить с Вами...»). Отдельные цитаты, аллюзии и реминисценции выполняют те же самые функции, что и развёрнутые элементы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Образы культуры – это, конечно, не только литературные образы. Но в силу ограниченности объёма статья основана на анализе только литературных образов и прецедентных текстов. Разные элементы прецедентных текстов: цитаты, аллюзии, реминисценции – являются элементами культурной игры, служат средствами диалога с читателем, формируют культурный контекст публицистических текстов.

LIST OF REFERENCES

- Bajkova S.A. (2010). Metatekst [Metatext]. Entsiklopediya gumanitarnykh nauk (3), 248.
 Bashirova N.Z. (2011). Tipologiya intertekstov v presse [Typology of intertexts in the press]. Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki (153), 191-203.
 Vodennikov D. B. <https://www.gazeta.ru/comments/column/vodennikov/> [24.04.2019].
 Dobrosklonskaya T.G. (2006). Mediadiskurs kak objekt lingvistiki i mezhkulturnoj kommunikacii [Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication]. Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika (2), 21.
 Eremenko E.G. (2012). Intertekstualnost, intertekst i osnovnye intertekstualnye formy v literature [Intertextuality, intertext and basic intertextual forms in literature]. Uralskij filologicheskij vestnik (6), 64-72.
 litvinenko T.E. (2008). Yedinitiy interteksta [Intertext units]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (2), 91-98.
 Shtrauss A. V. (2007). Liricheskij geroj v poezii D. Vodennikova [Lyrical hero in the poetry of D. Vodennikov]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (303), 21-24.

For citation:

Garanina, Ye. (2019) IMAGES OF CULTURE IN MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONS AND METHODS OF TRANSFORMATION (ON THE MATERIAL OF NEWSPAPER.RU DMITRY VODENNIKOV'S COLUMN) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.68-71. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-68-71>

Для цитирования:

Гаранина, Е. П. (2019) ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛОНКИ ДМИТРИЯ ВОДЕННИКОВА НА ПОРТАЛЕ ГАЗЕТА. RU) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 68-71. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-68-71>

Information about the author: Yekaterina Garanina, master of Russian Language and Literature, Senior Lecturer, Pavlodar state pedagogical university (Pavlodar, Kazakhstan)

об авторе e-mail: [kate1917@mail](mailto:kate1917@mail.ru)

Сведения: Екатерина Петровна Гаранина, магистр русского языка и литературы, старший преподаватель, Павлодарский государственный педагогический университет (Павлодар, Казахстан)
 e-mail: kate1917@mail.ru

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-71-76>

THE PRACTICES OF RUSSIANS' REGIONAL IDENTITY CONSTRUCTION IN MEDIA DISCOURSE*

Olga Ilina

PhD in Philology, Associate professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Ekaterinburg, Russia)

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Evgenii Kablukov

PhD in Philology, Associate professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Ekaterinburg, Russia)

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Abstract. The study, carried out in line with the method of discourse analysis, is aimed at describing the practices of construction the regional identity of Kaliningrad, Sverdlovsk and Tatarstan residents (the material of the research is the media discourse of these regions). Regional identity is considered as a discursive construct, based on spatial and temporal identification, entering into a complex interaction with a set of heterogeneous thematic identifications. It is shown that the following practices play an important role for the spatial identification of the residents of listed regions: construction of regional centers as capitals, naming of regions by means of paraphrases, fixing the unique status of the territory; construction of important neighbors and Moscow as the center of the all-Russian space. Temporal

* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-312-00143 "Regional identity of Russians in the media discourse: unity and diversity".

identification is associated with the construction of past, present and future. The past is determined by gatekeeping practices (event selection for media coverage) that form the historical narrative, which, as shown in the study, has evident regional specifics. The construction of the present is viewed through the prism of selected thematic identifications (economic and confessional). In addition, it is shown that the practice of selecting important for the region perspective projects forms the image of the future.

Keywords: identity, regional identity, discourse, discourse analysis, discursive practice

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ

Ольга Ильина

Кандидат филологических наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Евгений Каблук

Кандидат филологических наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Аннотация. Работа, выполненная в русле дискурс-анализа, нацелена на выявление и описание практик конструирования региональной идентичности жителей Калининградской, Свердловской областей и Республики Татарстан на материале дискурса СМИ данных субъектов федерации. Региональная идентичность рассматривается как дискурсивный конструкт, в основе которого лежат пространственная и темпоральная идентификации субъектов дискурса, вступающие в сложное взаимодействие с набором разнородных тематических идентификаций. Показано, что для пространственной идентификации жителей названных регионов важную роль играют следующие практики: конструирование столичности региональных центров; именование регионов с помощью перифразов, фиксирующих уникальный статус территории; конструирование важных для регионов соседей и Москвы как центра общероссийского пространства. Темпоральная идентификация связывается с конструированием прошлого, настоящего и будущего. Прошлое определяется практиками отбора событий, формирующих исторический нарратив, который, как показано в исследовании, имеет выраженную региональную специфику. Конструирование настоящего рассмотрено сквозь призму отдельных тематических идентификаций (экономической и конфессиональной). Кроме того, показано, что практики отбора перспективных проектов, важных для региона, формируют образ будущего.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, дискурс, дискурс-анализ, дискурсивная практика

ВВЕДЕНИЕ. Исследователи утверждают, что идентичность все чаще становится предметом научных изысканий, при этом значительная их часть выполнена в русле социального конструкционизма (Benwell and Stokoe 2006: 17; Hall 2000, 15; Krzyżanowski 2010: 29). Целью нашей работы является выявление и описание практик конструирования региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ на примере трех субъектов федерации: Калининградской, Свердловской областей и Республики Татарстан (отметим, что Свердловская область входит в вернакулярный район Урал, в связи с чем следует говорить об уральской региональной идентичности в ее свердловском варианте: Ilina and Kablukov 2019). Материалом для исследования служат журналистские тексты печатных изданий названных регионов, опубликованные с 1 января 2017 г. и включенные в базу данных «Интегрум» (Integrum.ru).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Роджерс Брубейкер выделяет два типа концепций идентичности – жесткие и мягкие (Brubaker 2012: 81–82). Первые, связанные с эссенциалистской парадигмой и господствовавшие на протяжении долгих лет (ср. «инструментальный проект личности» Эпохи Просвещения, романтическое представление о врожденной природе человека и др. подходы: Benwell and Stokoe 2006: 18–20), подвергаются критике во второй половине XX века, что приводит к «кризису идентичности в общественных науках» (Brubaker 2012: 63–68). Реабилитация и актуализация термина «идентичность» осуществляется благодаря его переосмыслению в рамках социального конструкционизма, представители которого фиксируют изменчивый характер идентичности, рассматриваемой как социальный конструкт, и переносят акцент с идентичности как результата на идентификацию как процесс, который никогда не заканчивается (Hall 2000: 16). Так формируются мягкие концепции идентичности.

Лингвистическое изучение идентичности в ее мягком варианте осуществляется прежде всего в рамках дискурсивных исследований (обзор подходов см.: Epina 2016). При этом одни представители данного направления признают ментальную природу идентичности, рассматривая последнюю, например, как ментальный конструкт, который «производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем» (De Cillia et al., 1999, 153). Другие исследователи полагают идентичность исключительно дискурсивным феноменом, поскольку она «складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует» (Sandomirskaya 2001, 45; см. также: Shepkina 2017). Представляется, что такой дискурсивный радикализм справедлив лишь отчасти: мы разделяем установку,

согласно которой дискурс-анализ отказывается от попыток изучить «то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению» (Rezvina 1999, 27), но при этом устремляемся от выводов, постулирующих исключительно дискурсивную природу идентичности, поскольку они касаются содержания той самой не исследуемой нами области сознания, а потому являются логически противоречивыми.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Данное исследование продолжает традиции Уральской школы дискурсивных исследований, которая исходит из принципов социального конструкционизма и базируется на идеях Мишеля Фуко, получивших лингвистическую интерпретацию в работах Э.В.Чепкиной (см., например: Chepkina 2000). При таком подходе внимание исследователя сосредоточено на *дискурсивных практиках* (Foucault 2004, 227–228; см. также: Foucault 1971), в числе которых практики формирования объектов дискурса (их отбора, номинации и описания), практики формирования субъектных позиций дискурса и практики конструирования истины, определяющие функционирование дискурсивных концептов (см.: Chepkina 2000; Chepkina and Enina 2011).

Мы рассматриваем идентичность как условный дискурсивный конструкт, формируемый в результате идентификации субъектов дискурса. При этом идентификация осуществляется посредством перечисленных выше практик, которые выявляют, с одной стороны, уникальность субъекта идентификации (индивидуального или коллективного), а с другой – его тождественность другим субъектам дискурса. Понимаемая таким образом идентичность представляется чрезвычайно сложным конструктом, для полного описания которого необходимо воссоздать все акты идентификации, что представляется невозможным. В связи с этим мы имеем дело не столько с идентичностью субъекта, сколько с ее упрощенной моделью, получаемой в результате научного реконструирования исследуемой идентичности, осуществляемого в соответствии с выбранной методикой.

Ключевыми при построении модели региональной идентичности (как и любой другой территориальной идентичности), с нашей точки зрения, оказываются темпоральная и пространственная идентификации, задающие своеобразную систему координат той реальности, в которой существуют «носители» данной идентичности. При этом можно выделить и различные тематические направления идентификации, в том числе экономическое, политическое, этническое, профессиональное и др., которые не включаются в один ряд с пространственным и темпоральным, а встраиваются в них, то есть существуют внутри описанной выше системы координат (подробнее см.: Enina and Kablukov 2019: 122–123).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Пространство, в котором обитают жители рассматриваемых регионов, оказывается четко структурированным: в центре находится регион и его столица, далее расположены важные для идентификации соседи, также всегда фиксируется отношение к Москве как центру российского национально-гражданского пространства. Рассмотрим лишь некоторые общие практики пространственной идентификации. Первая связана с конструированием столичного статуса центра региона: *Сегодня Екатеринбург – это уже не просто третья столица России, как его называют, это современный, быстроразвивающийся особенный город* (Вечерний Екатеринбург. 06.06.2017); *При этом чудом сохранившееся в областном центре здание, которое непосредственным образом связано с превращением нашего города в янтарную столицу мира, находится в ужасном состоянии* (Страна Калининград. 08.03.2017); *По количеству жителей Казань находится на шестом месте в России, но ее неофициальный статус «третьей столицы» практически не подлежит сомнению* (Известия Татарстана. 23.08.2018).

Приведенные примеры показывают, что и Екатеринбург, и Казань претендуют на звание третьей столицы России. Между тем, при конструировании Калининграда и Екатеринбурга номинация «столица» всегда соседствует с конкретизатором, указывающим на регион, а в случае с Казанью фиксируются контексты, в которых такой конкретизатор отсутствует: *Столица Среднего Урала обзаведётся своим «Эрмитажем», к строительству которого приступят уже в этом году* (Областная газета. 23.01.2018); *Калининградцы и гости города начнут отмечать День рождения столицы янтарного края уже в эту пятницу, 20 июля* (Гражданин. 19.07.2018); *В Казани гастролирует уникальное представление, где жители города и гости столицы могут увидеть редкие и уникальные номера – и настоящий лед!* (Известия Татарстана. 01.11.2018).

В приведенных примерах видна также другая важная практика – использование перифразов для неформального обозначения региона («Средний Урал», «янтарный край»). Примечательно, что такие перифразы, подчеркивающие уникальность территорий, используются для обозначения областей, официальное название которых лишь фиксирует подчиненность областному центру, но не применяются для обозначения Татарстана, название которого и без того подчеркивает уникальный этнокультурный статус региона.

Значимыми для идентификации жителей оказываются также практики отбора, номинации и описания соседей. В случае со Свердловской областью – это другие регионы Урала, например Челябинская область (Южный Урал), а также регионы, примыкающие к Уралу: *Трансплантационная бригада Свердловской областной больницы № 1 провела первую на Южном Урале трансплантацию сердца. Пациентом стал 54-летний житель Челябинской области* (Уральский рабочий. 26.10.2017); *Кстати, в соседней Курганской области уже введён аналогичный знак «Зауральское качество»* (Областная газета. 26.08.2017).

Для Татарстана важными соседями оказываются в первую очередь регионы Поволжья: *Вообще, за прошедшие годы мы провели сотни энергетических обследований систем энергоснабжения во многих городах Татарстана и Поволжья...* (Известия Татарстана. 13.07.2017); *За звание лучшего в профессии соревновались 7 операторов и 7 начальников отделений почтовой связи из регионов Поволжья: Оренбургской, Саратовской, Самарской, Пензенской, Ульяновской и других областей* (Казанские Ведомости. 30.11.2018).

Иная ситуация, обусловленная уникальным географическим положением анклава, фиксируется при анализе практик идентификации калининградцев: важными соседями для них являются соседние государства

Европы: Польша, Литва, а также Германия (несмотря на отсутствие общей границы): *Она дала толчок к созданию и работе круглых столов с Польшей и Литвой, решающих массу задач – от безвизового режима до транспортного регионального сотрудничества* (Дворникъ. 05.09.2017); *Радуется, что, как и раньше, документы на немецкий шенген можно подать в любой рабочий день без предварительной записи. Другие новости, связанные с нашими ближайшими соседями, читайте на стр. 4* (Страна Калининград. 30.01.2019).

Москва как столица России представляется важной для идентификации жителей всех рассматриваемых регионов: *А ведь до этого момента салюты в честь побед нашей армии проводились только в столице – Москве* (Вечерний Екатеринбург. 26.01.2017); *Только вот в столице жилье поновее, а в Калининграде еще пока занимают немецкий фондом, которому больше 80 лет* (Дворникъ. 20.06.2017); *Время следования от Москвы до Казани должно сократиться в четыре раза с 14 до 3,5 часов* (Известия Татарстана. 16.02.2017).

Темпоральная идентификация связана с конструированием прошлого, будущего и настоящего. При этом особенно важным является исторический нарратив (см.: Smith, 1993), а на первый план выходят практики отбора исторических событий, попадающих в этот нарратив. Так, для жителей Свердловской области это дореволюционный период, связанный с освоением горнозаводского Урала, и период Великой Отечественной войны, когда начинает складываться концепт «Урал – опорный край державы»: *История Екатеринбурга ведёт свой отсчёт с 1723 года, когда на реке Исеть был основан завод-крепость* (Вечерний Екатеринбург. 06.12.2018); *Здесь трудились сотни эвакуированных предприятий. Здесь был создан опорный край державы, мощь которого была направлена на достижение главной цели – Победу в Великой Отечественной войне* (Областная газета. 06.05.2017). Следует упомянуть и другое событие, важное для идентификации жителей Свердловской области. Это расстрел царской семьи, который актуализируется в религиозном и туристическом контекстах: *К столетию со дня гибели императорской семьи в Екатеринбурге администрация города планирует организовать в городе «синюю линию»...* (Вечерний Екатеринбург. 13.03.2018); *Крестный ход проходит по так называемому маршруту скорби, которым в 1918 году останки царской семьи были доставлены для уничтожения на Ганину Яму...* (Уральский рабочий. 17.07.2018).

Исторический нарратив, конструируемый калининградскими СМИ, распадается на два периода. Первый связан с историей Восточной Пруссии, а второй начинается с событий Великой Отечественной войны и охватывает советский период: *Если же погрузиться в историю более глубоко, то мы увидим, что улица Сергеева, у немцев Hintertragheim, что в переводе «позади Трагхайма», закладывалась в XVI веке, во времена Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, первого герцога Пруссии* (Гражданин. 23.03.2017); *Вторая часть мероприятий, посвященных взятию города 10 февраля 1945 года советскими войсками, также пройдет 11 числа, но у братской могилы советских воинов* (Гражданин. 02.02.2017).

При анализе исторического нарратива в СМИ Татарстана выявляется противопоставление двух субъектов истории, связанных с российской и татарской государственностью: *И татарстанская делегация положила перед российской текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»* (Казанские Ведомости. 13.07.2017). *В книге рассматриваются политические отношения между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды...* (Казанские Ведомости. 03.08.2018).

Настоящее предстает в медиадискурсе как «информационный образ актуальности» (ср. с определением журналистики: Kalmykov and Kohanova 2005: 8), однако для его серьезной характеристики необходимо отдельное исследование, в связи с чем мы лишь отметим, что данный конструкт целесообразно рассматривать как набор разнообразных тематических идентификаций, и коротко охарактеризуем две из них, выявляющие различия в идентичности жителей рассматриваемых регионов. Так, экономическая идентификация уральцев по-прежнему связана с горнозаводской историей региона, в то время как калининградцы считают важными отрасли, связанные с морем, а татарстанцы – добычу и переработку нефти: *Так, на Среднеуральском медеплавильном заводе модернизация металлургического производства позволила в разы снизить выбросы вредных веществ в атмосферу* (Областная газета. 16.02.2017); *Ежегодно через рыбоперерабатывающие цеха на их судах проходит около 150 тысяч тонн сырца* (Дворникъ. 10.07.2018); *При этом наши ключевые приоритеты остаются неизменными – это проекты по использованию нефти как ценнейшего сырья для нефтехимии* (Татарстан. 31.10.2018).

Конфессиональная идентификация также оказывается различной. СМИ Калининградской и Свердловской областей активно формируют образ регионов как мультикультурного пространства, однако фиксируются практики, противопоставляющие мусульман «своему кругу» и маркирующие их в качестве «других»: *Конечно, для 30 тысяч мусульман, а именно столько их живет в Калининградской области, здание небольшое, рассчитано примерно на сто пятьдесят человек* (Страна Калининград. 06.09.2017); *Сегодня начинается месяц Рамадан. В течение этого времени мусульмане ежедневно – от рассвета до заката – не должны ни есть, ни пить, они не должны сквернословить, предаваться плотским радостям, а творить добрые дела* (Областная газета. 26.05.2017). Сравним приведенные примеры с фрагментом из выступления президента Татарстана Рустама Минниханова: *Здесь на болгарской земле почти 11 веков назад наши предки приняли ислам. За это время наш народ прошел славный и нелегкий путь, сохранив веру в Аллаха и верность великим традициям...* (Вечерняя Казань. 04.09.2017).

Перейдем к конструированию будущего, которое во всех рассматриваемых регионах структурируется с помощью практик отбора масштабных проектов и предстает как «прогнозируемое время» (Kurina, 2017, 21): *Торговая отрасль и сфера услуг Екатеринбурга готовы к проведению крупных международных мероприятий, таких как чемпионат мира по футболу и даже международная выставка «ЭКСПО-2025»* (Вечерний Екатеринбург. 23.05.2017); *До мундиала осталось 498 дней. Теперь о том, когда начнется футбольное*

состязание мирового уровня, жителям Калининграда напомнят специальные часы (Страна Калининград. 01.02.2017); Проектно-изыскательский институт ОАО «Мосгипротранс» опубликовал на своем сайте презентационное видео, в котором рассказывается о многих деталях проектируемой трассы высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань (Известия Татарстана. 16.02.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Региональная идентичность может быть реконструирована в виде модели, в основе которой лежат пространственная и темпоральная идентификации, задающие систему координат, в которую включаются иные разнородные идентификации: экономическая, политическая, этническая, конфессиональная и др. Анализ медиадискурса трех различных регионов России позволил выделить в рамках данной модели типичные дискурсивные практики конструирования региональной идентичности: практики конструирования столичности центра региона, практики отбора, номинации и описания соседей, практики отбора событий, формирующих исторических нарратив, и др. Перспективным представляется дальнейший анализ региональной специфики выделенных практик, а также исследование экономической, политической, этнической, конфессиональной и культурной идентификации жителей регионов России.

LIST OF REFERENCES

- Benwell B. & Stokoe E. (2006). *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Brubaker R. (2012). *Etnichnost bez grupp [Ethnicity without groups]*. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Chepkina E. V. & Enina L. V. (2011). *Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalism discourse: analysis of practices]*. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta, Ser. 1, 2, 76–85.
- Chepkina E. V. (2000). *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000) [The Russian journalism discourse: text-generating practices and codes (1995–2000)]*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta.
- Chepkina E. V. (ed). (2000). *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna» [Problems of constructing the identity of Russians in the discourse of the media under the influence of the concept of «information war»]*. Moskva, Ekaterinburg: Kabinetniy ucheniy.
- De Cillia R., Reisigl M. & Wodak R. (1999). *The discursive construction of national identities*. *Discourse & society*, 10 (2), 149–173.
- Enina L. V. (2016). *Identichnost kak diskursivniy kontsept i mehanizmy diskursivnoy identifikatsii [Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification]*. *Politicheskaya lingvistika*, 6, 159–167.
- Foucault M. (1971). *Orders of discourse*. *Social science information*, 10 (2), 7–30.
- Foucault M. (2004). *Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]*. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga.
- Hall S. (2000). *Who needs identity?* Du Gay P., Evans J. & Redman P. (eds). *Identity: a reader*. London: SAGE Publications, 15–30.
- Ilina O. V. & Kablukov E. V. (2019). *Praktiki konstruirovaniya uralskoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti [Practices of the Ural identity construction in the media discourse of Sverdlovsk region]*. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 120–132.
- Kalmykov A. A. & Kohanova L. A. (2005). *Internet-zhurnalistskiy [Internet journalism]*. Moskva: Uniti-Dana.
- Krzyżanowski M. (2010). *The discursive construction of European identities: A multi-level approach to discourse and identity in the transforming European Union*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Kupina N. A. (2017). *Aksiologicheskaya strategiya i ee rechevaya realizatsiya v regionalnom gazetnom izdaniy [Axiological strategy and its speech realization in a regional newspaper publication]*. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, Ser. 1, 4 (168), 19–31.
- Revzina O. G. (1999). *Yazyk i diskurs [Language and Discourse]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 9, 1, 25–33.
- Sandomirskaya I. (2001). *Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik [The book about the motherland: Experience in analyzing discursive practices]*. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien.
- Smith A. D. (1991). *National Identity*. Reno: University of Nevada press.

For citation:

Ilina, O. & Kablukov, E. (2019) THE PRACTICES OF RUSSIANS' REGIONAL IDENTITY CONSTRUCTION IN MEDIA DISCOURSE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.71-76 doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-71-76>

Для цитирования:

Ильина, О., Каблук, Е. (2019) ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 71-76. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-71-76>

Information about the authors: Olga Ilina – PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian Language and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Evgenii Kablukov – PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian Language and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Информация об авторах: Ольга Владимировна Ильина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Евгений Викторович Каблуков – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-76-80>

ON THE DISCURSIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF CONCESSION IN INFORMAL INTERVIEW

Elena Nikolaevna Klemenova
Doctor of Philological Sciences, Professor
Rostov State University of Economics (RINE)
(Russia, Rostov on Don)
klemenova@yandex.ru
Nadezhda Vladimirovna Kovalchuk
PhD, Associate Professor
Don State Technical University
(Russia, Rostov on Don)
nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Abstract: The purpose of this article is to implement a structural and pragmatic analysis of the rhetorical relations of concession in the texts of informal interviews, as well as to identify the basic model of implementation of these relations and its variants. At the level of informal interviews basic model is a three-part sequence of verbal steps of the interlocutors: the speaker, the subject pushes a value judgment (X), and the addressee agrees with this judgment or makes an assignment in favor of its efficacy (X'), but also potentially puts forward a contrasting argument (Y). This model has several variations, suggesting a different order of these dialogic steps. The basic implementation model of rhetorical relations concessions and its variants assume the source is equal to the weight of the two potentially incompatible perspectives. Informal interview takes a strong position in popular publications, reflecting the current trends in fashion, cinema, sports, everyday life.

Keywords: informal interview, basic model and its variants, concession, communication

О ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ УСТУПКИ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРВЬЮ

Елена Николаевна Клеменова
Доктор филологических наук, профессор
Ростовский государственный университет экономики
(Ростов-на Дону, Россия)
e-mail: klemenova@yandex.ru
Надежда Владимировна Ковальчук
Кандидат филологических наук, доцент
Донской государственный технический университет
(Ростов-на Дону, Россия)
e-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является осуществление структурно-прагматического анализа риторических отношений уступки в текстах неформальных интервью, а также выявление базовой модели реализации этих отношений и ее вариантов. На уровне неформального интервью базовой моделью является трехчастная последовательность вербальных шагов собеседников: говорящий, субъект выдвигает ценностное суждение (X), а адресат соглашается с этим суждением или делает уступку в пользу его эффективности (X'), но также потенциально выдвигает контрастный аргумент (Y). Эта модель имеет несколько вариаций, предполагающих различный порядок этих диалогических шагов. Базовая модель реализации риторических отношений и ее варианты предполагают, что источник равен весу двух потенциально несовместимых точек зрения. Неформальное интервью занимает прочные позиции в популярных изданиях, отражая современные тенденции в моде, кино, спорте, повседневной жизни.

Ключевые слова: неформальное интервью, базовая модель и ее варианты, уступка, взаимодействие

ВВЕДЕНИЕ. В современных дискурсивно-прагматических исследованиях неформальное интервью интерпретируется как последовательность речевых шагов, реализуемая посредством языковых средств и обладающая определенным воздействием на характер взаимодействия между двумя субъектами, попеременно меняющимися коммуникативными ролями говорящего и слушающего (Azarova, 2013; Vartanova, 2006;